

ИНОВАЦИИ

Думаю, что по мере технического прогресса мы будем возвращаться к изучению и переосмыслению этого опыта.

Прямые платежи через сети мобильной связи демонстрируют экспоненциальный рост. Эта новая технология позволяет сэкономить на наличии офисов и филиалов, на соблюдении разного рода нормативов, происходит резкое ущербование услуг со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Банки пока держатся преимущественно за счёт располагаемых ими финансовых ресурсов, накопленного опыта и технологий, но финтех подтачивает оптимизм банковских в отношении будущего. Следует сказать, что инвестиционная привлекательность банковского сектора и его репутация как работодателя в последние годы сильно пострадали. Низкая рентабельность также подтачивает банки, у них нет возможности зарабатывать процентный доход при низких и тем более отрицательных процентных ставках, а прямое кредитование составляет растущую конкуренцию банковскому.

— Что вообще вкладывается сегодня в понятие «финтех»?

— Думаю, что это всевозможные финансовые услуги, которые можно оказывать с помощью современных телекоммуникационных средств, таких как мобильная связь и интернет, которые выступают в качестве носителей информации. Плюс услуги, которые выстраиваются вокруг этого. Это сфера, где мы не видим участия классического банка в оказании финансовых услуг. Либо их нет вообще, либо они остаются незаметными, находясь по ту сторону мобильного телефона или экрана компьютера.

— То есть подразумеваются компании Google, Apple, Facebook, Amazon?

— Некоторые из них достаточно активны в этом направлении. Например, американская компания Amazon уже давно начала кредитовать своих покупателей и создала для этого чисто «модульную» программу, когда за её кредитной картой стоял невидимый клиенту американский банк. Притом это чисто банковская услуга, предлагаемая под торговой маркой Amazon. На языке маркетинга это называют «отбелыванием» (white label). Google тоже активно занимается платежами в интернете, а Apple и Samsung — в сетях мобильной связи.

— Как регулятор смотрит на эти тренды?

— Нужно оценивать ситуацию с позиции новых рисков, которые появляются в первую очередь у банков. Например, киберриски (они, конечно, были и раньше, но не в таком масштабе, не в таких разнообразных проявлениях). В настящее время банки всё больше сталкиваются со стратегической неопределенностью, которая состоит в том, что у банковского сектора появляется новый конкурент — не во всех сегментах, но во многих. И как на это реагировать, пока не очень понятно.

Скорее всего, банки будут искать возможности альянсов с «цифровыми» компаниями, располагая на сегодняшний день гораздо большими финансовыми ресурсами, чем сектор, который занимается финтехом.

У новой индустрии источники финансирования пока достаточно ограничены. Это либо привлечение крупных институциональных инвесторов, которые готовы инвестировать большие суммы в разработку новых технологий в ожидании сверхприбыли, либо розничное инвестирование путём паспортной подписки через интернет или иные

каналы. Однако это в основном не кредитные деньги. Кредитование банками новых венчурных компаний — это нетипичные случаи для классического банковского дела. Этот бизнес не очень подходит банкам в силу высокого и труднооцениваемого риска, а также больших горизонтов окупаемости.

В то же время банки будут использовать имеющиеся у них ресурсы для того, чтобы взять всё, что они могут, с этого нового рынка и включить в свои процессы, продуктовые линейки, «дотянутые» до новых клиентов и удержать старых. Вопрос в том, изменят ли это их кардинально и останутся ли они при этом по-прежнему банками, пусть даже с новыми продуктами, с новыми формами взаимодействия с рынком. Это очень интересно.

Конечно, участие банков как платёжных и расчётных агентов будет, вероятно, снижаться с развитием технологий прямых платежей через мобильные телефоны и интернет. Это удобнее, дешевле, проще в конечном счёте. Новое поколение уже вполне готово морально и технически к такого рода платежам.

И вновь подчеркну, что для банка быть «узлом» в платёжной системе — это не основная, не критичная функция.

— Какие функции у банков, на ваш взгляд, точно останутся?

— В теории мы видим пока единственную чисто банковскую функцию — приём банковских вкладов, размещение средств под проценты с сохранением покупательной способности этих средств. Потому что даже кредитование не является сугубо прерогативой банка: понятие займа шире, чем понятие кредита. Однако иные заёмщики не привлекают депозитов. В этом их принципиальное отличие. Сохранится ли эта связка — депозит как источник фондирования плюс кредит как основной вид актива банка, время покажет.

Банк — это всё-таки институт, финансово преобразующий ресурсы. Если у банка этой функции не будет, а останутся чисто комиссионные услуги, то это будет уже брокер, агент, работающий за комиссию, не трансформирующий сам ресурсы и не принимающий риски, с этим связанные. Например, некоторые площадки, устроенные как площадки прямого кредитования, не несут рисков, просто сводят между собой кредиторов и заёмщиков, но они не берут средства у кредиторов и от своего имени не размещают их у заёмщиков. В этом принципиальная разница между банковским и агентским бизнесом.

— Что могут сделать банки, чтобы выжить?

— У банков есть выбор из трёх возможных стратегий, как у любого живого организма. Можно попробовать адаптироваться к новым реалиям, если это проще, чем пытаться их изменить. Например, покупая новые проекты в области финансовых технологий, интегрируя их в себя или заключая партнёрские соглашения с их разработчиками, уходя в сеть, переставая быть банком в традиционном понимании, но при этом оставаясь банком в функциональном смысле.

С другой стороны, можно сопротивляться, оценивая преимущества существующего устройства финансового рынка. Например, когда есть крупные центральные контрагенты, аккумулирующие всю информацию, проводящие расчёты, клиринг, поставку централизованно, без дублирования информации во всех узлах сети, ещё при этом зашифрованной криптографически. Может

быть, издержки такого централизованного хранения данных и заключения сделок ниже, но пока об этом трудно говорить с уверенностью, так как нет достоверных данных.

Третья стратегия — ничего не делать и наблюдать за происходящим. Многие ждут, что очередной модный «пузырь» финтех, достигнув определённых размеров, лопнет. И всё вернётся к предыдущему состоянию, как это уже было в начале 2000-х годов.

Некоторые мои знакомые, занимающиеся в том числе инвестированием, придерживаются третьей стратегии. Они не верят в серьёзность технической революции в финансах. Я, напротив, искренне верю, что она происходит прямо на наших глазах. Впрочем, банки сами отвечают на вопрос, что делать. Они активно вступают в партнёрство с высокотехнологичными компаниями и создают с ними совместные продукты. Так, например, глава Сбербанка Герман Греф говорил недавно о том, что Сбербанк в перспективе превратится в «цифровую экосистему». Однако в этих рассуждениях нужно учитывать один важный момент. Банки хорошо умеют работать с рисками, но они гораздо хуже воспринимают неопределённость. В мире сейчас развивается новое направление, которое можно назвать «экономикой неопределённости». Это значит, что мы начинаем жить без уверенности в том, что принципы устройства мира, которые есть сегодня, будут соблюдаться также и завтра. Не знаю, какого климата стоит ждать от новой экосистемы финансовых рынков, но нужно быть готовым к тому, что в биологической истории экосистемы зарождаются, развиваются, но также и отмирают, порой массово и внезапно.

— Насколько перспективно ждать, что «само рассосётся»?

— Признаки «пузыря», может быть, и наблюдаются, но сейчас мы видим иной технологический базис, которого не было ещё 15 лет назад. Поэтому, что существуют не только интернет и мобильная связь, есть ещё протоколы, которые позволяют сделать важный шаг вперёд в части защиты достоверности информации о прошлых сделках и практической невозможности её искажения злоумышленниками (как это в принципе возможно при централизованной базе). Протоколы гарантируют невозможность утери этой информации. Это некая концепция времени, которая «вшита» криптографически в этот децентрализованный распределённый реестр. Насколько этот путь перспективен? Опять же практика покажет, сможет ли этот новый технологический уклад сменить старый, и если да, то как быстро.

— То есть искусственный интеллект будет и дальше диктовать правила игры?

— Ничего принципиально нового в этом нет. Работы появились ещё в рассказах Карела Чапека. Всё это давно предчувствовалось, просто не было понимания, когда именно время искусственного интеллекта наступит и в каком виде. А когда то, что ожидалось в отдалённом будущем, наконец-то приходит, это пугает. Искусственный интеллект будет эволюционировать, сильно меняя реальность.

Это уже произошло в алгоритмической торговле, а роботизация инвестиционного консультирования проходит сейчас на наших глазах. Эти технологии появляются в «умных контрактах», которые могут заключаться в сетях, построенных на базе распределённых реестров. Это неизбежно, и это стоит воспринимать спокойно, понимая, что у искусственного интеллекта есть свои пределы. Кибернетике уже не один десяток лет, эти явления в теории неплохо изучены, просто надо соединить теорию с сегодняшней практикой. Сделать попытку интеграции новых способов взаимодействия с клиентом и заключения сделок с традиционным банковским бизнессом.

Это становится возможным благодаря новому технологическому базису, масштабному распространению смартфонов и готовности значительной части участников рынка работать через удалённые каналы без таких, как были прежде, ещё 15 лет назад, опасений за конфиденциальность передаваемой в сети информации.

Современные технологии стали лучше защищать пользователей, но всё равно полной защиты гарантировать невозможно. Понятно, что чем больше пользователи будут обращаться к интернету за финансовыми услугами, тем выше их ожидания в части надёжности и, соответственно, требования к тем, кто им эти услуги предоставляет. Слабые компании, неспособные защитить информацию, уйдут. Сильные останутся.

— Когда материализуются разговоры о регулировании новой сферы?

— Это неизбежно, и рано или поздно оно появится. Наверное, сначала будут попытки отраслевого саморегулирования, договорённостей между участниками рынка об общих стандартах, правилах работы, поведения. Затем уже настанет время некоего внешнего регулирования, но пока непонятно, когда и каким оно будет, кто будет разрабатывать его стандарты. Потому что регулирование обычно возникает после того, как рынок чего-то достиг и показал, что он нуждается в определённых правилах игры.

На мой взгляд, рынок пока фрагментарен, мы видим отдельные ростки, которые имеют различную, подчас высокую скорость развития, но пока ещё не составляют рынка, который бы проявил все свои сильные, а главное — слабые стороны. Потому что регулируются в первую очередь рынки, несовершенства которых имеют высокую цену для общества.

Пока в финтехе, кроме явно проявляющихся киберрисков, масштабных угроз финансового характера не проявилось. Однако когда этот рынок вполне сформируется, будет понятно, как создавать регулирование и какое именно.

— Вы второй год обсуждаете технологию блокчейна на «Зимней школе». Появилось в этом году что-то новое?

— Из презентации швейцарского профессора Ричарда Олсена я вынес для себя целый ряд новых идей. В частности, понимание того, для чего создаётся эта финансовая экосистема, что в ней будет нового, доступного и удобного участникам. Я вдохновлён, потому что лучше понимаю не только сам технологический базис, но и то, для чего это будет делаться и какие новые возможности открываются уже в ближайшие годы для пользователей такого рода систем.

Есть предчувствие, что это рынок, на котором каждый инвестор может найти то, что он хочет, по лучшей из имеющихся цен. По сути, речь идёт об известном из финансовой теории «полном рынке», где можно обменять «всё на всё». Если такой рынок возможен в принципе, то мы стали к нему на шаг ближе.

Мнение автора может не совпадать с официальной позицией Банка России.